

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ПУБЛИЦИСТИКЕ Н.А. БЕРДЯЕВА

Данная работа посвящена публицистическим статьям Н.А. Бердяева о Первой мировой войне. Знаменитый русский философ утверждал, что суть германского милитаризма – это нигилистическая программа, реализованная в довоенной деятельности футуристов. Такой подход позволяет Бердяеву анализировать Великую войну с точки зрения культуры.

Ключевые слова: публицистика, Первая мировая война, Н.А. Бердяев, Д.С. Мережковский, футуризм.

В данной работе объект анализа – статья Н.А. Бердяева «Футуризм на войне» (Биржевые ведомости. 1914. 26 окт.). Эта статья интересна тем, что она, с одной стороны, входит в цикл публицистических работ, «написанных за время войны до революции» и утративших для автора актуальность, когда «война внутренне разложилась и потеряла свой смысл»¹, а с другой – философ не включил ее в книги 1918 г. «Судьба России» и «Кризис искусства», в которых собрал свою военную публицистику.

Интригующий заголовок эффектно сопрягает темы Мировой войны и скандального футуризма. Бердяев начинает с воспоминаний о недавней полемике в российском обществе: «Интересы прошлогоднего сезона в значительной степени стояли под знаком футуризма. Неисчислимое количество публичных лекций, публичных статей и частных разговоров было посвящено шумихе футуризма. <...> Когда разразилась мировая катастрофа и люди были поставлены перед истинными вопросами жизни и смерти, тема о футуризме оказалась естественно снятой, как и многое наносное и второстепенное»². В годы военных испытаний «тема о футуризме», будучи «естественно снятой» в литературном аспекте, «переходит в массовую историческую жизнь»: «В методах и приемах, которы-

ми германцы ведут войну, есть очень много футуристического <...> Это – явление XX века, вооруженное всеми методами и приемами новейшей техники и промышленности. Германский милитаризм есть типически футуристическая механизация и автоматизация человеческой массы и человеческой жизни».

К моменту публикации статьи Бердяева сближение немецкого милитаризма с футуризмом было уже освоено российской публицистикой. По словам А.В. Крусанова, «война усилила тенденцию к распространению понятия “футуризм” за пределы искусства и одновременно изменила восприятие футуризма: на первый план вместо эксцентричности, скандальности и отрицания здравого смысла вышла тема разрушения»³. Исследователь цитирует соответствующие пассажи из газет сентября–октября 1914 г.: «На первый взгляд, сравнение германцев с футуристами покажется парадоксом, ибо что общего между воинственными немцами, поставившими своей задачей завоевание всего мира, и мирными футуристами, вроде наших Бурлюков и итальянских Маринетти. Но общее между ними есть. Футуристы поставили своей целью уничтожение древнего искусства. Эту же цель преследуют и немцы, варварски уничтожая все встречающиеся на их пути древние памятники искусства. Доказательство – разгром Лувена, разрушение Реймского собора и покушение на разрушение Собора Богоматери в Париже»⁴.

Бердяев приводит те же публицистические доказательства германского футуризма: «Футуристическая война германцев уже дала свои плоды. Часть футуристической программы Маринетти германские войска уже осуществили; они разрушают старую культуру, истребляют старые города, храмы, произведения искусства». Однако философ, не оспаривая газетной топики, по-своему аранжирует ее и выстраивает оригинальный интеллектуальный «сюжет».

Прежде всего, Бердяев переводит обсуждение в *культурологический* план. Он разграничивает «футуризм в литературе и искусстве», все-таки возникший в Италии, и так называемый «жизненный футуризм», реализованный в Германии: «В Германии всего менее был представлен футуризм в литературе и искусстве. Колыбелью футуризма были латинские страны, желавшие освободиться от тяжелого бремени своего великого прошлого. Но в Германии назревал футуризм другого рода, гораздо более существенный и грозный, жизненный футуризм – в ее милитаризме и ее промышленности».

«Футуризм в литературе и искусстве» безусловно ассоциировался с деятельностью итальянского поэта Ф. Маринетти (русских футуристов-будетлян для Бердяева словно не существует), и в

1913 г. задиристый В.В. Хлебников мечтал, что сразится с Маринетти не только на бумаге, но и на поле битвы: «Я уверен, что некогда мы встретимся при пушечных выстрелах в поединке между итало-германским союзом и славянами на берегах Далмации»⁵. Однако в Первой мировой войне Италия выступила союзником России, и Бердяев «реабилитирует» итальянский футуризм, о чем подробнее пишет в другой статье того же времени «Чувство Италии» (Биржевые ведомости. 1915. 2 июля): «В великой войне сторгит футуризм, как и многое другое, и пробудятся те силы латинской расы, которые в ней подлинно еще есть. Италии придется не разрушать памятники своего былого величия, а защищать их от футуризма германского. Вероятно, и сам Маринетти будет защищать»⁶.

Напротив, «жизненный футуризм» – порождение германской культуры. «Жизненный футуризм» – атрибут технического прогресса; «германская армия являет миру технические чудеса»; значит, «жизненный футуризм» есть современная Германия: «Этот футуризм незаметно угашал человеческий дух, превращал человека в средство для чудовищного, бездушного механизма. Дуализм духа и материи в Германии сильнее, чем где бы то ни было. <...> Жизнь органическая, стихийная жизнь во плоти и крови там превращается в автоматический “автомобильный” механизм, подчиняется механической дисциплине. <...> У германцев исконная варварская грубость, присущая их расе, соединилась с варварством от цивилизации».

Альтернативу футуризму – итальянскому «футуризму в литературе и искусстве» и германскому «жизненному футуризму» – Бердяев видит в славянстве. Однако описание славянского типа культуры в «Футуризме на войне» настолько конспективно, что снова приходится обратиться к другим статьям военного цикла.

Культурологическую суть конфликта славянства и германства Бердяев специально анализирует в статье «Война и возрождение» (Утро России. 1914. 17 авг.): «Пангерманизм – вечная угроза для славянства, для его существования и будущего. Поэтому все, что совершается на Балканах, у маленьких славянских народов, казалось бы, не имеющих мирового значения, отзывается на всем мире, затрагивает мировую вражду германства и славянства. Эта всемирно-историческая расовая вражда заостряется в роковой распри Германии и России, – великой выразительницы славянской расы и славянского духа»⁷.

Подобная интерпретация «славянской идеи» напоминает славянофильство, но к нему не сводится. Бердяев четко различал «славянскую идею» в качестве родового понятия и ее исторические

реализации (соответствующая глава в книге «Судьба России» прямо озаглавлена – «Славянофильство и славянская идея»⁸). С этой точки зрения различными реализациями «славянской идеи» могут считаться – на равных правах со славянофильством – панславизм М.П. Погодина и Ф.И. Тютчева, «славянская федерация» М.А. Бакунина, польский мессианизм А. Мицкевича, «славянская взаимность» Я. Коллара и т. д.⁹

В частности, своеобразие «славянской идеи» Бердяева, которое решительно отличает его от славянофилов, но вписывается в богатый спектр исторических реализаций «славянской идеи», составляет призыв к примирению русского народа с польским: «Наша политика должна стать решительно полякофильской. Это – обратная сторона антигерманской политики. Нравственный залог нашей победы в том, что мы боремся не только за сербов, но и за поляков, за весь славянский мир»¹⁰ (Россия и Польша // Биржевые ведомости. 1914. 10 окт.). Это примирение обретает у Бердяева глубинный культурологический характер: «Теперь уже совершенно ясна связь судьбы Константинополя и судьбы Польши с судьбой германизма. Слишком ясно, что исторические задачи России могут быть осуществлены лишь в разрыве с германизмом, лишь в победе над германским могуществом. Освобождение славян, освобождение Польши, обладание проливами и Константинополем – таковы задачи, поставленные в войне с Германией и Австрией»¹¹ (Германия, Польша и Константинополь // Биржевые ведомости. 1915. 15 мая).

Постижение русско-польских отношений в культурологическом контексте неизбежно влекло за собой вопрос об авторитетном в польской мысли течении мессианизма: «У польских мессианистов, у Мицкевича, Товянского, Цешковского, было очень чистое жертвенное сознание, оно загоралось в сердце народном от великих страданий»¹². В такого рода акцентировании польской составляющей и ее мессианского характера Бердяев явно вдохновлялся примером В.С. Соловьева, с риском оскорбить патриотические чувства читателей писавшего в знаменитом «Оправдании добра»: «Широкий идеализм польского духа, впечатлительного к чужим влияниям до увлечения и энтузиазма, составляет характерную черту, слишком очевидную. Универсализм поляков заслужил им со стороны ограниченных националистов упрек в “измене славянству”. Но кто знаком с корифеями польской мысли – Мицкевичем, Красинским, Товянским, Словацким, тот знает, насколько в их универсализме проявилась великая сила национального гения»¹³. По словам современного специалиста, Соловьев считал, что именно Россия «может инициировать процесс интеграции человечества,

а для этого, в качестве первого шага, ей предстоит объединение славянских народов, “собрание славянского мира”. И это дело воспринималось Соловьевым не как абстрактная идея или отдаленная задача, а как реальная “ближайшая, естественная цель” российской политики (вспомним, что его статья называется “Славянский вопрос”, а не “Славянская идея”), что вполне понятно и оправданно в период, когда Россия брала на себя миссию освобождения южных славян. Однако философ был уверен, что для того, чтобы Россия стала “настоящим центром единения” славян, она должна изменить свое отношение к Западу, к католицизму (что поможет решить не только польский вопрос, но и сблизиться с остальными славянами-католиками)»¹⁴.

Вместе с тем Бердяев считал и польский мессианизм, и славянскую концепцию Соловьева, и русский мессианизм (в версии славянофилов и Достоевского) равно неполными. Мессианизм предполагает слияние национального с универсальным и готовность к жертве. Потому идея славянства становится истинно мессианской лишь теперь – в экстремальных обстоятельствах Мировой войны: «Странная и особенная судьба, запечатленная избранничеством! Ныне стоит перед Россией новая жертвенная задача. Россия призвана и избрана охранить не только славянство, но и весь культурный мир от германской опасности, обращенной ко всем народам своим варварским ликом»¹⁵. Ясно, что при таком подходе к противостоянию национальных культур мысль Бердяева проецируется на новый план – *мессианский*.

Определение современной формы мессианской борьбы против «жизненного футуризма» Бердяев уточняет в полемическом диалоге с Д.С. Мережковским, о которой сигнализируют знаковые слова из статьи «Чувство Италии»: «В футуризме есть хамизм незначительных детей великих отцов». Это – явная аллюзия на статью Мережковского «Еще шаг грядущего Хама» (Русское слово. 1914. 29 июня), в которой автор использовал свою знаменитую формулу «грядущий хам» для составления «инвективы футуристам»¹⁶. Как ни странно, в использовании формулы Мережковского сам Мережковский выступил продолжателем А.Н. Бенуа. По замечанию Н.И. Харджиева, заглавие работы Мережковского впервые «было использовано в полемических целях Александром Бенуа в одном из его “художественных писем” о новом искусстве (1912). Вскоре после диспутов “Союза молодежи” [в 1913 г. – М. О.] А.Н. Бенуа с еще большей резкостью повторил свой выпад: “Знаете ли что возводят ‘они’ в свои кумиры? Машинность! – иначе говоря, один из видов смерти, один из признаков грядущего хама”»¹⁷.

Мережковский считает достойным обсуждать не футуризм, а лишь «те причины, которые заставляют о нем говорить»¹⁸. По Мережковскому, «футуризм – благословение сегодняшнего дня, поклонение существующему порядку вещей, “образу мира сего, преходящему”, – как вечному. Да не будет того, что было; да не будет того, что будет, – да будет то, что есть. Футуризм называет себя “футуризмом” (от *futurum* – будущее), чтобы скрыть главную сущность свою – отрицание будущего». И Бердяев практически дословно повторяет его, отказывая футуризму в праве на истинное представление о будущем: «Футуризм терминологически связан с будущим, грядущим. Но в сущности он отрицательно связан с прошлым и настоящим, он внутренне скован реакцией на прошлое и старое, в нем нет внутренней свободы». По Мережковскому, «футуризм – рабья песнь машине, владычице мира». В этом зачарованный эсхатологическими видениями обличитель «грядущего Хама» прозревает откровение – «“апокалипсис” обратный и нечаянный»: «От Бога – к Зверю, от Зверя – к Автомату, механизму бездушному – таков путь нисхождения, футуризмом начатый, но не им предсказанный». Спасение от приближающейся глобальной катастрофы Мережковский находит в истинном христианстве: «Что такое “хам”? Раб на царстве. Без Царя Христа не победить Хама. Только с Царем истинным можно сказать рабу на царстве: ты не Царь, а Хам». Отождествляет футуризм с «машиной» – вслед за Бенуа, Мережковским – и Бердяев.

Своеобразие же подхода выражается в том, что, согласно Бердяеву, теперь пророчество исполнилось: футуризм не «“апокалипсис” обратный и нечаянный», но политическое настоящее – Мировая война и германский милитаризм. Политизация футуристического апокалипсиса позволяет принципиально уточнить и спасительный путь. Это – славянский мессианизм: «Цивилизованное есть духовное варварство. Этот роковой процесс нельзя предотвратить и победить каким-либо охранением органических устоев жизни. Ему можно противопоставить лишь свободу духа. И я верю, что в славянстве, в России есть та свобода духа, которая может быть противопоставлена футуристической войне с ее автоматическими чудовищами. Этот иной дух должен сказаться и в ином духе нашей армии, в преобладании у нее факторов духовных над факторами механическими и автоматическими. <...> Славянство должно явить миру более высокий тип, чем германство, не потому, что оно технически отстало, менее цивилизовано и держится за старые устои, а потому, что в нем есть более высокие технические потенции, обращенные к грядущему, а не прошедшему. Славянство –

раса будущего, а не прошлого, и в расе этой невозможно варварство от ложной цивилизованности».

Формула «свобода духа», что «противопоставлена футуристической войне с ее автоматическими чудовищами», конкретизируется в статье «Дух и машина», которой Бердяев значимо увенчал всю книгу «Судьба России». Эпатажно называя свою позицию «духовным марксизмом» (и тем самым полушутливо апеллируя к давним спорам марксистов с народниками), философ призывает не идеализировать аграрное общество и техническую отсталость: «Но порабощающей власти развитой техники можно противопоставить высокий и свободный дух, но нельзя противопоставить технику отсталую и элементарную. Материальная отсталость и элементарность не есть сила духа»¹⁹. Если Мережковский распознал в «Автомате» шаги Антихриста, то Бердяев определяет машину как «путь духа в процессе его освобождения от материальности»²⁰. Статья (и вся книга «Судьба России») завершается оптимистическим рецептом: «Если Россия хочет быть великой Империей и играть роль в истории, то это налагает на нее обязанность вступить на путь материального технического развития. Без этого решения Россия попадает в безвыходное положение. Лишь на этом пути освободится дух России и раскроется ее глубина»²¹.

Наконец, в финальный абзац «Футуризма на войне», суммирующий содержание статьи, закрадывается фраза, которая проецирует обсуждение футуризма на *астральный* план. Бердяев вдруг возвращается к эстетическим аспектам футуризма: «За именем “футуризм” скрываются действительно новые искания в поэзии и живописи и новые, не выявленные еще мироощущения». Действительно, в статье «Пикассо» (впервые – журн. «София». 1914. № 3; вошла в книгу «Кризис искусства») Бердяев специально исследовал художественный авангард при помощи приблизительно тех же категорий, которые он прилагал к анализу современной техники: «Живопись погружается в глубь материи и там, в самых последних пластах, не находит уже материальности. Если прибегнуть к теософической терминологии, то можно сказать, что живопись переходит от тел физических к телам эфирным и астральным»²². В статье «Пикассо», как и в «Футуризме на войне», Бердяев утверждает, что собственно футуристическая поэзия «до сих пор не дала ничего значительного», однако здесь он называет писателя, который реализовал новые духовные веяния: «Но вот Андрей Белый, которого я считаю самым оригинальным, значительным, близким к гениальности явлением русской литературы, может быть назван кубистом в литературе. В его романе “Петербург” можно открыть тот же

процесс распластования, расслоения космической жизни, что и в картине Пикассо»²³. Отождествление литературной позиции Белого с футуризмом или кубизмом вызывает естественные споры. Безусловно, некоторое сходство присутствует²⁴. Вместе с тем Белому случалось атаковать футуризм, подобно Бердяеву апеллируя к статье Мережковского (эссе 1918 г. «Кризис жизни»): «...футуристические манифесты о разгроме искусства обернутся действительностью; томагавок *“грядущего хама”* грозит Джиоконде»²⁵. В любом случае: Бердяев готов принять в Андрее Белом писателя-кубиста, коль скоро он не воспекает «машину», а открывает символизируемую ею духовную истину.

Закономерно, что статья, где детализируется анализ «Петербург» (Биржевые ведомости. 1916. 1 июля; вошла в «Кризис искусства»), декларативно озаглавлена – «Астральный роман». Также закономерно, что в обобщающей статье «Кризис искусства», которая специально писалась для книги 1918 г. и дала ей заглавие, Бердяев относит Белого не только к кубизму, но и определенно к футуризму: «Все эти вихри – астральные вихри, а не вихри физического мира или мира человечески-духовного. Футуристическое мироощущение и футуристическое творчество А. Белого тем радикально отличается от других футуристов, что оно связано у него с большим духовным ведением, с созерцанием иных планов бытия»²⁶.

Варьируя газетную топику и играя ее проекциями (в культурологическом, мессианском, астральном планах), Бердяев подвергает футуризм своего рода «молекулярному анализу» и разлагает на несколько «футуризмов». Футуризм – не только искусство, но духовная основа «машины» и германского милитаризма. Вместе с тем славянство, ведя судьбоносную борьбу с германством, получает уникальную возможность воплотить мессианские чаяния – не отказаться от «машины», а поставить ее на службу новым духовным задачам и тем самым обрести «свободу духа». Футуризм – симптом: он вопрошает о будущем, хотя «внутренне скован реакцией на прошлое и старое». «Расой будущего» станут славяне, когда жертвенно посвятят себя выявлению «не выявленных еще мироощущений» человечества.

Н.А. Бердяев принадлежит к тем философам, которые вычеканили как своеобразное мировоззрение, так и своеобразный стиль изложения. Его мысль «мечется между крайностями, объединяя их в антиномии, которые то и дело смешивает с обычными логическими противоречиями», его речь – «сбивчивая, отрывистая, нервная»²⁷. В текстах Бердяева тема не развивается постепенно, а играет роль повода для интеллектуальных вариаций. Последующая фраза

не продолжает предыдущую, но ее перифразирует или неожиданно трансформирует, вводя обязательный намек на «чужое слово» или беглый очерк идеи, которая порой разворачивается в другом тексте самого философа. Изучение статьи «Футуризм на войне» предсказуемо оборачивается распутыванием такого рода неожиданных ходов. Для исследователя это распутывание увлекательно. Однако не исключено, что в силу тех же причин (или горечи несбывшихся ожиданий на великое культурное возрождение?) автор статьи и не републиковал ее в составе итоговых книг «Судьба России» и «Кризис искусства».

Примечания

- ¹ *Бердяев Н.А.* Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. С. 3.
- ² Здесь и далее цит. по: *Бердяев Н.А.* Футуризм на войне // Бердяев Н.А. Футуризм на войне: Публицистика времен Первой мировой войны. М.: КАНОН+, 2004. С. 17–21.
- ³ *Крусанов А.В.* Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор): В 3 т. Т. 1. Кн. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 485.
- ⁴ Там же; ср.: *Йовович Т.* Зинаида Гиппиус и авангард // Авангард и идеология: русские примеры / Ред.-сост. К. Ичин. Белград: Филол. фак-т Белград. ун-та, 2009. С. 348–356.
- ⁵ Цит. по: *Харджиев Н.И.* «Веселый год» Маяковского // Харджиев Н.И. От Маяковского до Крученых: Избранные работы о русском футуризме / Сост. С. Кудрявцев. М.: Гиля, 2006. С. 123.
- ⁶ *Бердяев Н.А.* Чувство Италии // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. / Сост. Р.А. Гальцева. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 370.
- ⁷ *Бердяев Н.А.* Война и возрождение // Бердяев Н.А. Футуризм на войне... С. 8.
- ⁸ См.: *Бердяев Н.А.* Судьба России. С. 130–138.
- ⁹ Ср.: *Кацис Л.Ф., Одесский М.П.* «Славянская взаимность»: Модель и топика. Очерки. М.: Regnum, 2011. С. 11.
- ¹⁰ *Бердяев Н.А.* Россия и Польша // Бердяев Н.А. Футуризм на войне... С. 15.
- ¹¹ *Бердяев Н.А.* Германия, Польша и Константинополь // Там же. С. 69.
- ¹² *Бердяев Н.А.* Судьба России. С. 104.
- ¹³ *Соловьев В.С.* Оправдание добра. М.: Республика, 1996. С. 271; ср.: *Кацис Л.Ф., Одесский М.П.* Указ. соч. 110–116.
- ¹⁴ *Аксенова Е.П.* Славянская идея в русской философской мысли (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Г.В. Флоровский) // Славянский альманах 2000. М.: Индрик, 2001. С. 160–161.
- ¹⁵ *Бердяев Н.А.* Война и возрождение. С. 9.

- ¹⁶ *Корецкая И.В.* «Грядущий Хам» Мережковского: текст и контекст // Д.С. Мережковский: мысль и слово. М.: Наследие, 1999. С. 146; ср. также: *Андрич Н. Д.С. Мережковский и футуризм: Созидание будущего как отрицание вечности* // Авангард и идеология... С. 342–347.
- ¹⁷ *Харджиев Н.И.* Поэзия и живопись (ранний Маяковский) // Харджиев Н.И. От Маяковского до Крученых... С. 61.
- ¹⁸ Здесь и далее статья цит. по: *Мережковский Д.С.* Еще шаг грядущего Хама // Мережковский Д.С. Было и будет. Дневник. 1910–1914; несвоевременный дневник. 1914–1916. М.: Аграф, 2001. С. 344–353.
- ¹⁹ *Бердяев Н.А.* Судьба России. С. 217.
- ²⁰ Там же. С. 216.
- ²¹ Там же. С. 223.
- ²² *Бердяев Н.А.* Пикассо // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 2. С. 421; ср. в «Судьбе России» цитировавшееся определение машины – «путь духа в процессе его освобождения от материальности»; ср. также: *Бычков В.В.* Кризис культуры и искусства в эсхатологическом свете философии Николая Бердяева // Н.А. Бердяев и единство европейского духа / Под ред. В.Н. Поруса. М.: Библио. богослов. ин-т св. апостола Андрея, 2007. С. 220–228.
- ²³ *Бердяев Н.А.* Пикассо. С. 422.
- ²⁴ *Спивак М.Л.* Андрей Белый в 1913 году: в поисках альтернативы слову // 1913: «Слово как таковое»: к юбилейному году русского футуризма / Сост. Ж.-Ф. Жаккар, А. Морар. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2014. С. 181–193.
- ²⁵ *Белый Андрей.* На перевале. Берлин; Пб.; М.: Изд-во З.И. Гржебина, 1923. С. 48.
- ²⁶ *Бердяев Н.А.* Кризис искусства // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 2. С. 411.
- ²⁷ *Порус В.Н.* От редактора // Н.А. Бердяев и единство европейского духа. С. VIII.